труда, въ переходѣ отъ изолированныхъ, мелкихъ трудовыхъ ячеекъ въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ мастерскихъ или даже обособленныхъ одиночекъ-ремесленниковъ, къ коллективнымъ формамъ труда, объединяющимъ цѣлыя тысячи работниковъ въ одномъ сложномъ производительномъ предпріятіи, — но при полной индивидуализаціи владѣнія средствами производства. Это сторона капиталистическаго способа производства, заключающая въ себѣ одинъ изъ двухъ составныхъ элементовъ соціалистической организаціи производства: обобществленія труда и обобществленія средствъ производства, и составляетъ общую почву, связующее звено между капиталистическимъ строемъ и городскимъ рабочимъ движеніемъ; она даетъ возможность послѣднему расширяться и организоваться—до извѣстныхъ предѣловъ — въ рамкахъ капиталистическаго строя, при полной неприкосновенности основныхъ экономическихъ устоевъ буржуазнаго общества.

Что касается крестьянскаго движенія, то для него не можетъ служить первоначальной основой, исходнымъ объединяющимъ принципомъ эта творческая сторона крупной капиталистической промышленности, т.-е. обобществленная форма труда, — такъ какъ самое экономическое положеніе трудового крестьянства, самое существованіе его, какъ извѣстной экономической категоріи, связано съ системой мелкаго землевладѣнія и, слѣдовательно, съ системой обособленнаго, изолированнаго земледѣльческаго труда.

Переходъ къ обобществленной формѣ труда возможенъ для трудовыхъ крестьянскихъ массъ только двумя путями: или черезъ посредство пролетаризаціи ихъ, при условіи концентрированія землевладѣнія въ рукахъ крупныхъ собственниковъ и вытѣсненія мелкаго сельскаго хозяйства крупнымъ; или же при переходѣ самого землевладѣнія отъ системы частной собственности къ системѣ коллективной собственности, т.-е. при переходѣ всей земли въ общественное пользованіе всего трудового крестьянства. Въ послѣднемъ случаѣ, на почвѣ обобществленнаго пользованія землею, соціалистическое движеніе среди трудовыхъ крестьянскихъ массъ уже могло бы развиваться далѣе, въ направленіи къ обобществленію самого способа земледѣльческаго производства, т.-е. къ переходу къ коллективной формѣ земледѣльческаго труда.

Извѣстно, что изъ этихъ двухъ единственно возможныхъ путей соціалистической трансформаціи въ области сельскохозяйственнаго производства, первоначальная схема научнаго соціализма — первоначальная система Маркса признавала для западной Европы неиз-

бѣжнымъ первый путь, связанный съ обезземеленіемъ крестьянъ и исчезновеніемъ мелкаго крестьянскаго хозяйства: „Мелкій крестьянинъ, какъ всякій пережитокъ исчезнувшаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель : это — будущій пролетарій“ [1]); такова была формула этого первоначальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Но мы уже видѣли, что это рѣшеніе оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительному ходу экономическаго развитія, и современные теоретики марксистской школы принуждены были отказаться отъ него, не выставивъ на его замѣну никакого другого рѣшенія; они просто отбросили пока въ сторону всю деревню со всѣмъ ея мелкимъ крестьянствомъ: „Въ настоящее время, наша практическая задача въ деревнѣ ограничивается защитой спеціально-пролетарскихъ и общекультурныхъ интересовъ“ — пишетъ Каутскій. Крестьянство, слѣдовательно, т.-е. малоземельное, трудовое крестьянство остается внѣ области, охватываемой соціалистическимъ движеніемъ. Этому рѣшенію и соотвѣтствуетъ полное отсутствіе въ нѣмецкой соціалдемократической программѣ спеціальнаго аграрнаго отдѣла.

Такимъ образомъ первый изъ двухъ единственно возможныхъ путей вовлеченія трудовыхъ крестьянскихъ массъ въ сферу соціалистическаго движенія признается теперь неосуществимымъ даже защитниками ортодоксальнаго марксизма. Надо замѣтить, что самъ Марксъ никогда не былъ такъ безусловенъ въ установленіи этого перваго пути, какъ безусловны оказались въ этомъ отношеніи его послѣдоватли. Извѣстно, что по отношенію къ Россіи, съ ея уцѣлѣвшимъ общиннымъ землевладѣніемъ, онъ допускалъ возможность второго пути, т.-е. прямого вовлеченія трудового крестьянства въ соціалистическое преобразованіе общества путемъ перехода отъ примитивнаго общиннаго землевладѣнія къ „высшей коммунистической формѣ землевладѣнія“. Въ этомъ смыслѣ онъ совершенно опредѣленно высказался, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ предисловіи къ русскому изданію Коммунист. Манифеста: „Рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующеюся буржуазною поземельною собственностью — читаемъ мы тамъ — мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь, можетъ ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землей — непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму землевладѣнія? Или, напротивъ, она должна

---

[1]) Статья Энгельса въ „Neue Zeit“, 1894—95 гг. № 10, стран. 294—5.